

Когда я потерялся — вот что интересно... Бредёшь, за собой тянешь нитку, истончаешься сам, кажется, вот-вот станешь меньше иголочного ушка, меньше нитки, просочившейся туда и разъятой на тысячу тонких нитей — тоньше самой тонкой из них, — и вдруг вырвешься за пределы себя, не в сторону небытия, а в противоположную — в сторону недобытия, где всё объяснят.

Потому что едва только очутился здесь — сразу потерялся, запутался в руках родителей; когда ещё едва умел ходить, они запускали меня, как косопузый кораблик, на сухой белый свет: иди ко мне! — суровый мужской голос; ну-ка, ну-ка, а теперь иди ко мне! — ласковый женский.

Куда к тебе? Зачем ты меня звал, художник, пахнущий табаком, с порыжелыми от красок руками? Зачем ты звала меня, пахнущая молоком, с руками, побелевшими от стирки? Я пришёл — и что теперь? Рисовать, стирать?

Или потерялся в своём пригороде, где забрался на дерево и вдруг застыл, омертвел, без единой мысли, пока голоса соседской пацанвы, потерявшей меня, не смолкли, не растворились в мареве, — и тут вдруг, на другом берегу грязной, сизой реки, возле которой мы искали себе забав, увидел старуху в чёрном; она шла медленно и спокойно — как Божий сын на картине од-

ного художника; потом, когда я увидел эту картину, — сразу узнал старуху, только у моей были странно длинные руки, почти до земли. Тогда я ссыпался с дерева, оставив клочья белой кожи на хлётких, корябистых ветках.

И когда уже был дома, вдруг понял, что это и не старуха была никакая. А кто тогда? И куда она шла? Здесь на реке не было моста! Что она сделала, дойдя до грязной воды?

Или потерялся в большом городе, где смотрел на вывеску магазина, — я тогда уже умел читать и сначала понял смысл букв, а потом вдруг потерял, — и с восхитительной очевидностью мне, еле смышлёному ребёнку, стало ясно, что слова бессмысленны, они вместе со всеми своими надуманными значениями рассыпаются при первом прикосновении — оттого, что и значенья, и слова мы придумали сами, и нелепость этой выдумки очевидна. Куда идти, когда всё осыпается, как буквы, которые можно только смести совком и выбросить в раскрытую дверь, в темноту, чтоб единственная звезда поперхнулась от нашей несусветной глупости.

А?

* * *

Куда-то поехал мобильный на вибросигнале. Он был похож на позабытый вагон, который вслепую, без руля и без ветрил, ищет свой состав.

Полюбовавшись на его ровную спину, раздумывая: а не ударить ли по нему кулаком, чтоб успокоился, я всё-таки решил поговорить.

— Вас вызывают на работу, — услышал я в трубке секретаря главного.

Я работаю в газете.

Сижу в большом помещении, где трудятся ещё пятнадцать человек, которые создают материалы разной степени пошлости.

Я стараюсь не общаться с коллективом, и у меня это получается. Никто в коллективе не имеет детей, поэтому все подолгу спят и являются на работу к обеду. У меня дети есть, поэтому, отправив их в детский сад, я уже в восемь с копейками бью по клавишам, а к обеду, сдав материал, сбегаю. В худшем случае встречу кого-нибудь, поднимающегося по лестнице.

Главный полулежит в кресле за длинным столом и неустанно крутит ключи с многочисленными брелочками на толстых пальцах. Хохочет он чаще, чем говорит. Он хохочет, когда здоровается, хохочет на каждую реплику собеседника, едва может ответить от хохота и совсем уже заходится в хохоте при прощании.

Похохотав, он сказал, что есть возможность сходить в один то ли паноптикум, то ли террариум, меня проводит Слатитцев, “...вы, кажется, знакомы?” — киваю и слышу хохот в ответ, так смешно я кивнул, наверное, “...посмотри там на экспозицию, а потом решим, что с этим делать...”, “...этот материал может нам пригодиться”, ха-ха-ха. Ха.

Когда я уходил, главный дрожал и побрызгивал, как огромный мясной закипающий чайник.

Мой давний знакомый Слатитцев, напротив, встретил меня совсем безрадостно.

— Только одного не пойму — кто тебя пустил сюда? — сказал он вроде как и не мне.

У Слатитцева были кривые зубы, и он втайне меня презирал.

Мы шли по гулкому коридору с выкрашенными в грязно-синий цвет стенами. Слатитцев ещё раз обернулся, сверяясь со своим представлением обо мне. Всё было как ожидалось: ничтожество, которому по непонятным причинам повезло, — я.

Мы познакомились несколько лет тому на одном литературном семинаре. Слатитцев тогда много и с готовностью улыбался, глаза при этом у него были очень внимательные, с меткими зрачками. В те времена он написал роман из жизни студентов и студенток, всегда носил его с собой в распечатанном виде и подолгу читал вслух, если кто-нибудь неосторожно интересовался: “А что это... у вас?”

Я сам полистал его сочинение — естественно, в поисках сцен студенческого прелюбодеяствия — и сразу был вознаграждён, на третьей же странице. В сокращённом виде роман опубликовал журнал “Новая Юность”. На этом литературная карьера Слатитцева завершилась, зато он неожиданно объявился в красивом и большом доме, где заседали государственные господа, в роли клерка по неведомым мне вопросам.

Однажды мы случайно пересеклись в одном высоком коридоре с тяжёлыми, будто позолоченными шторами на огромных окнах.

— Всё пишешь? — спросил Слатитцев, заметно дрогнув лицом. Я ответил.

За весь разговор он ни разу не улыбнулся, хотя я пытался его рассмешить. “А ты чего без романа?” — спросил, например, кивком указывая ему под мышку.

Теперь мы шли к первому посту. Паспорт лежал у меня в заднем кармане лёгких брюк.

Человек в окне — полицейский рукав, волосатое запястье, — разглядев мягко распахнувшийся документ, передал мне эластичный четырёхугольник, это был пропуск.

Слатитцева дальше не пустили. Я пошёл в сопровождении поджарого полицейского лейтенанта.

Слатитцев смотрел мне в спину. Показалось, что он шевелит зубами.

Этот коридор был бежев и куда более светел.

Спустя минуту офицер открыл огромную дверь и, кивнув в мою сторону, ушёл.

Сидевший за дверью в аккуратной комнате молодой майор набрал номер на телефоне, нажав всего одну кнопку. Долго ждал ответа, глядя в стол. Можно было б написать здесь: я осмотрелся, — когда б мне было куда смотреть. Каменный куб, человек у пульта быстро назвал мою фамилию вслух и сразу положил телефонную трубку, услышав однозначный ответ.

Ещё через минуту за мной зашёл высокий брюнет лет тридцати, в джинсах и майке-безрукавке. Тёмно-розоватая кожа, глаза слегка навывкате и припухшие, почти африканские губы. Он представился: “Максим Милаев!”; его твёрдое и приветливое рукопожатие означало: “Насколько я понял, вам можно доверять, что ж, попробуем”.

На этот раз — идеально белый коридор, двадцать шагов до лифта.

“А симпатичный малый, — подумал я. — Даже странно. У них теперь новое поколение выросло, кото-

рому позволительно быть со вполне милыми и напоминающимися лицами?”

В просторной и ароматно пахнущей кабине мы спустились куда-то вниз; показалось, что глубоко.

— Мне сказали, что это лаборатория, а тут как будто тюрьма, — сказал я.

— Вы были в тюрьме? — с улыбкой спросил мой спутник.

Я улыбнулся ему в ответ.

Через последний пост — четыре отлично вооружённых человека в камуфляже, широкая автоматически открывающаяся дверь — вышли в странное, пахнущее мылом помещение, похожее на огромный вагон, но без окон. Двери здесь тоже открывались как в купейных вагонах.

Максим с усилием потянул первую же, она съехала влево, открыв застеклённую комнату с кроватью, столиком и несколькими книгами на полке.

На кровати сидел человек и сквозь стекло спокойно смотрел на нас.

— Он нас не видит, — сказал Максим. — Стекло непроницаемо.

Максим, кажется, ожидал моего вопроса, но я его не задал.

— Это Салават Радуев, — пояснил он то, что я видел своими глазами.

— Которого убили в тюрьме, — добавил я просто.

— Ну да, — в тон мне ответил Максим.

Неподвижно сидящий Радуев был безбород и походил лицом на гостеприимного дауна.

Глаза его тепло и сливочно улыбались.

— В восемнадцать лет — штукатур стройотряда, в двадцать один год член Ингуйского комитета комсо-

мола, в двадцать девять лет бригадный генерал, организатор многочисленных терактов; пережил как минимум два покушения, готовил спецгруппы для взрывов на атомных станциях, был задержан, в тридцать пять умер в колисамской тюрьме, похоронен по инструкции, согласно которой тела террористов не выдаются родственникам для погребения, — готовой скороговоркой произнёс Максим.

— Кличка Титаник, — добавил я. — Потому что пуля попала ему в голову и на место раздробленной лобной кости вставили титановую пластину.

— Которой на самом деле нет.

— Ну. Ничего нового... кроме того, что он сидит, как в аквариуме, здесь. Что вы с ним делаете?

— Изучаем, — сказал Максим и с мягким гуркающим звуком закрыл дверь. Радуев, не вздрогнув, улыбался, пока его не скрыло.

— Поговорить с ним нельзя? — спросил я, глядя в дверь.

— Нет.

— А это... — задумался Максим у очередной двери, — собственно, это бомж. Ей тридцать четыре года, хотя выглядит... да, несколько старше. Поочерёдно убила шесть своих новорождённых детей. Мусорная урна, в другой раз прорубь, в следующий — столовый нож... Про одного просто забыла — он пролежал в квартире несколько дней, пока...

Женщина остервенело тёрла глаза ладонями. Уши её отчего-то казались сильно обветренными и шелушились, волос на голове было мало. Из-под юбки торчали белые ноги, пальцы на ногах смотрели в разные стороны, словно собрались распозаться кто куда.

Дверь закрылась. Мы прошли ещё десять метров до следующего бокса.

Здесь жил насильник: обвисшие веки, обвисшие руки, обвисшие щёки, обвисшие губы, обвисшие плечи. Если его раздеть, на нём всё бы показалось будто навешанным и наскоро пришитым. И лоб мягкий — возьми такую гадкую голову в щепоть, и на ней останутся следы твоих пальцев.

Ещё десять метров вперёд.

Двое лобастых в соседствующих боксах — наёмные убийцы. Первый с одним быстро бегающим глазом и другим буквально заросшим перекрученной кожей, у второго маленьких глаз в глазницах не разглядеть.

Последний бокс самый большой, в несколько комнат, вдоль которых можно пройти по специальному, с мерцающим сизым светом, коридору.

В комнатах сидели, стояли и медленно ходили невзрачные дети, пятеро.

Лица их были обычны, не уродливы и не красивы: один русский, один тёмный, один разномастный — с седым клоком в рыжеватых волосах. Четвёртый — то ли бритый, то ли переболевший какой-то ранней болезнью, лишившей его волосяного покрова, сидел к нам спиной и, кажется, смотрел на единственную в помещении девочку, рисовавшую очень толстым коричневым фломастером на белом листе непонятный узор.

Фломастер она мягко сжимала в кулаке.

Максим молчал.

— Кукушата, выронившие из гнезда чужую кладку? — поинтересовался я.

В коридорной стене напротив многокомнатного стеклянного бокса обнаружили откидные стулья: Максим раскрыл один для себя, затем предложил присесть мне.

— Вы не боитесь, что они подерутся, поранят друг друга? — спросил я.

— Они раньше жили в разных боксах. Спустя какое-то время мы попробовали селить их парами... Потом поселили всех вместе. Они никогда не ругаются и не ссорятся. Тем более что некоторые из них глухонемые, а те, что в голосе, — разговаривают какой-то странной речью, будто птичьей, только некоторые слова похожи на человеческие. В общем, им не так просто поругаться, — вдруг улыбнулся Максим. — К тому же все они знакомы, и даже, возможно, родственники: сейчас всё это выясняется.

— Сколько им лет?

— Где-то от шести до девяти... вот этот тёмненький самый младший.

Тот, о ком говорили, включил панель телевизора, подвешенного к потолку, и уселся напротив, напряжённо разглядывая выпуск новостей. Иногда он потряхивал головой, словно видел что-то глубоко неприятное. В течение минуты остальные недоростки собрались у экрана.

Все сидели спокойно, разве что пацан с рыжиной постоянно чесал чёлку.

Мы помолчали ещё немного.

Похоже, Максиму было здесь любопытно находиться — в большей, чем мне, степени.

— Выглядят вполне невинно, — сказал я, уже скупая.

— Вот-вот, — согласился Максим. — А наши специалисты уверяют, что... они более опасны, чем все те, кого мы видели до сих пор, — Максим не вкладывал в свои слова никакого чувства.

Парень с рыжиной вдруг обернулся и поискал кого-то глазами, дважды наискось скользнув по моему лицу.

Я запустил ладонь под мышку и вытер внезапный пот. Незаметно принохался к извлечённой руке. Пахло моей жизнью, было жарко.

— У меня нет ответов на ваши вопросы, — сказал Максим в кабине лифта, — но я вас отведу к одному человеку, который здесь работает. Может быть, он...

Мы поднимались, но совсем недолго. Я успел поинтересоваться, где они нашли этих недоростков, — Максим не знал. Спросил, подозревают ли их в совершении какого-либо насилия, — он снова оказался не в курсе.

Створки лифта раскрылись медленно и нешироко; казалось, что мы, наподобие улиток, покидаем раковину.

— На этом этаже лаборатория, — сказал Максим, — но вам, пожалуй, туда не надо. Подождите здесь. Сейчас попробую привести... специалиста. Платон Анатольевич зовут нашего профессора.

Паркет, диван, рядом кресло, лампа, розовые обои, стеклянный столик. Я приложил к стеклу ладонь и несколько секунд смотрел, как подтаивают линии моей жизни и моей судьбы.

Дверь открылась, словно её выдул резкий сквозняк. Профессор в белом халате стремительно вышел первым, Максиму пришлось поймать дверь, чтобы она не захлопнулась ему в лицо.

Профессор так резко сел в кресло, будто его толкнули в грудь.

Это был очень красивый, хотя и далеко не молодой мужчина с красивыми, зачёсанными назад волосами, с красивыми аристократическими скулами, красивым прямым носом. Я невольно подумал: какая, интересно, у него дочь, если она есть? Только взгляд у профессора был такой, словно его глаза болеют гриппом.

— Чем обязан, — спросил он без вопросительной интонации, глядя в зелёные складки шторы на окне.

— Я видел детей, — сказал я, помолчав секунду.

Специалист закрыл и спустя три секунды открыл глаза.

— Почему их держат здесь? — спросил я, подумав.

— Вы знаете, что в Древнем Китае некоторые императоры поручали пытки детям? — спросил профессор, быстро повернувшись ко мне; но, не увидев ничего любопытного, снова отвернулся. — Поручали детям, которые, как полагали, не ведают категорий добра и зла. Более того, в силу, так сказать, ангельской своей природы просто не понимают, что такое жестокость. Говорят, не было издевательств изощрённее, чем те, что совершали дети. Знаете об этом, нет?

— Не слышал.

— И не важно, что не слышали. Тут совсем другой случай... Знаете, что такое гомицидомания?

— Цц... Тоже нет.